

Биографии,
автобиографии,
мемуары

Вера
ФРОЛОВА

Ищи меня в России
Дневник «восточной рабыни»
в немецком плену
1942–1943

Вера Фролова
Ищи меня в России. Дневник
«восточной рабыни» в
немецком плену. 1942–1943
Серия «Ищи меня в России», книга 1
Серия «Биографии,
автобиографии, мемуары»

<https://litres.ru/71123557>

Ищи меня в России. Дневник «восточной рабыни» в немецком плену.
1942–1943:
ISBN 978-5-389-26853-1

Аннотация

<p>В 2005 году вышла в свет автобиографическая книга Веры Павловны Фроловой «Ищи меня в России». Выпущенная скромным тиражом 500 экземпляров, книга немедленно стала библиографической редкостью: в солидном томе вниманию читателей были представлены дневники, которые юная Вера вела в немецком плену с 1942 по 1945 год.</p><p>«Мне было 17 лет, когда пригород Ленинграда Стрельну, где я родилась и училась в школе, оккупировали немецко-фашистские войска. А весной 1942 года нацисты угнали меня с мамой в Германию,

где мы стали „остарбайтерами“, иначе говоря „восточными рабами“...» – писала Вера Павловна в предисловии к первому изданию, предваряя этим сдержанным и лаконичным пересказом мучительно-страшных биографических фактов потрясающий по силе человеческий документ – свидетельство очевидца и участника одной из самых чудовищных трагедий XX века.</p><p>«После освобождения нас советскими войсками в марте 1945 года мы вернулись на Родину. Единственным моим „трофеем“ из Германии был тогда потрепанный соломенный „саквояж“ с пачкой дневниковых записей...» Написанные частично на бумажной упаковке от немецких удобрений, эти записи бережно хранились Верой Павловной всю жизнь и были лично подготовлены ею к публикации.</p><p>Летопись четырех лет жизни в неволе составила четыре части книги «Ищи меня в России». В настоящий том вошли первая и вторая части дневника Веры Павловны Фроловой, охватывающие события 1942 и 1943 годов.</p><p>
</p><p>В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.</p>

Содержание

От автора[1]	6
Часть I	10
Апрель	10
11 апреля	15
25 апреля	18
4 мая	20
5 мая	22
7 мая	27
8 мая	29
8 мая (вечер)	30
9 мая	33
10 мая	36
1 августа	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вера Фролова
Ищи меня в России.
Дневник «восточной
рабыни» в немецком
плёну. 1942–1943

© В. П. Фролова (наследник), 2024

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство КоЛибри®

От автора¹

Мне было 17 лет, когда пригород Ленинграда Стрельну, где я родилась и училась в школе, оккупировали немецко-фашистские войска. А весной 1942 года нацисты угнали меня с мамой в Германию, где мы стали «остарбайтерами», иначе говоря, «восточными рабами». Работали в сельском хозяйстве, в большом поместье бауера Адольфа Шмидта. Там на протяжении трех лет я вела дневник, где, по мере своих способностей, писала о нашей рабской жизни на чужбине, о встречах с разными людьми, о своих переживаниях, горестях, надеждах. Писала ночами, втайне от всех, сидя в опустевшей кухне либо в тесной кладовке, завесив окно старым байковым одеялом. Не было бумаги, часто совершала недозволенное – использовала для записей грубые бумажные кули из-под удобрений. Те ночные часы бодрствования в чужом немецком жилище были единственными светлыми мгновениями в подневольной жизни, в которую мне, как и многим моим сверстникам, выпало шагнуть прямо от школьного порога.

После освобождения нас советскими войсками в марте

¹ Текст книги печатается по первому и единственному полному изданию дневников, подготовленному Верой Павловной Фроловой совместно с издательством «Ореос» в 2005 г. В настоящий том вошли первые две части книги «Ищи меня в России», охватывающие временной период с 1942 по 1943 г.

1945 года мы вернулись на Родину. Единственным моим «трофеем» из Германии был тогда потрепанный соломенный «саквояж» с пачкой дневниковых записей.

Однажды, много-много лет спустя, став уже пенсионеркой, я принялась как-то разбирать свой накопившийся за долгие годы журналистской работы бумажный «архив» и неожиданно в самом низу шкафа наткнулась на обернутый в старую, ветхую газету пакет. Недоумевая, развернула его, и внезапно передо мной ярко, как вспышка молнии, вновь возникла моя бедная, покалеченная войной юность. Я читала полустертые строки и плакала. С пожелтевших страниц четко, как на киноэкране, проплывала прежняя постылая рабочая жизнь, заполненная до краев тяжелой, каторжной работой, жестокостью, повседневными унижениями и оскорблениями. Я снова зримо видела себя, тогдашнюю, со всеми своими тревогами и печалью, с непокорством и ненавистью, с надеждами и разочарованиями, а также с упрямой, негибкой – несмотря ни на что! – негибкой верой в непереносимое скорое освобождение... Я вновь видела лица друзей и подруг по несчастью, слышала их голоса, вновь с грустным и светлым чувством переживала свои тайные сердечные привязанности – ведь мы были молоды, и даже угрозы фашистов о заточении в концентрационный лагерь не могли стать препятствием для кратковременных быстротечных встреч.

После некоторых раздумий я решила заняться своими дневниковыми записями – отредактировать их стилистиче-

ски, дополнить, сохраняя прежнюю канву повествования, некоторыми воспоминаниями. К середине девяностых годов прошлого века эта работа была завершена. Получилась довольно объемная рукопись.

Известно, что то время оказалось невероятно трудным для жизни нашей страны – для всех сфер ее деятельности, в том числе и издательской. И я очень благодарна главному редактору журнала «Нева» Борису Николаевичу Никольскому, решившемуся опубликовать в 1997 году часть моей рукописи под рубрикой «Дневник „остарбайтера“».

К сожалению, все последующие годы издать книгу полностью не представлялось возможным, и лишь буквально в последние месяцы, как говорится, забрезжил для этого «свет надежды». Мое огромное сердечное спасибо людям, изыскавшим возможность финансировать издание моей книги: директору СПб ГУСПП «Флора» **Светлане Васильевне Малик, Андрею Владимировичу Подобеду**.

Большое спасибо также за постоянную, неустанную моральную поддержку заведующей стрелнинской библиотекой имени Ю. Инге Нине Ивановне Симоновой, моим родным людям – сыну Вячеславу, дочери Ирине и членам их семей, а также моим нынешним друзьям – бывшим малолетним узникам фашизма. И конечно же, моя особая, безграничная благодарность коллективу Издательского дома «ОРЕОС»: **Николаю Павловичу Плотникову, Дмитрию Николаевичу Шушилину** и их коллегам, взвалившим на

свои плечи огромный труд по изданию моей книги в сравнительно короткий срок – к 60-летию нашей Великой Победы.

Дай-то Бог всем этим людям хорошего здоровья на долгие годы, такой же неиссякаемой душевной щедрости и доброты.

Вера Фролова

Часть I

1942 год

Апрель

Ночь тиха и свежа. Я сижу на крылечке покосившейся от старости веранды и, задрав голову, смотрю в пустоту, которая называется небом. Редкие звезды уже заняли свои места и подмигивают оттуда, равнодушно созерцая раскинувшийся под ними мир. Одна мигает особенно назойливо... Небо... Наверное, там, за двадцать пять километров отсюда, ты и приветливее, и теплее.

Впервые за свои семнадцать лет я не радуюсь тебе, весна. Впервые за свою жизнь у меня не замирает сердце при звуках веселой капли. Впервые мне не хочется читать стихи, когда, пробираясь ранними утрами между начавшими зеленеть деревьями, я слышу, как тонкие льдинки с легким, едва уловимым звоном рассыпаются под ногами. И кажется, впервые за свою жизнь я учусь ненавидеть.

Примолкли ненасытные комары, напуганные ночной прохладой. Непривычная тишина зависла над потревоженной войной землей. И только где-то в деревне заигранная граммофонная пластинка хриплым, ноющим голосом выводит

чужие слова чужой песни:

...Комм цурик. Их варте ауф дихь,
Венн ду бист фюрмихь...²

Я зло смеюсь в душе. Пусть ждет. Только дождется ли?

Вот и вчера очередной (который уже по счету!) «гремладунг» – «скорбный груз» – вместительный, заполненный гробами крытый фургон, – отправился проторенной дорогой в их Германию, к ожидающим там своих мужей и женихов женам и невестам.

Итак, сегодня, после долгих месяцев молчания, я снова принимаюсь за свои записи. Я не могу, оказывается, жить без тебя, мой дневник, не могу не поверять тебе хотя бы изредка, время от времени, свои переживания, мысли, надежды.

Значит, я в оккупации. Это произошло девятнадцатого сентября прошлого, 1941 года. Днем раньше, когда окончательно стало ясно, что захват Стрельны неизбежен, что немцы все-таки займут нашу деревню, Новополие, наш дом, что они вот-вот ворвутся в нашу жизнь, – мы с мамой спешно отправились в Ленинград, к маминой сестре – тетке Ксении (все необходимые вещи, одежда и кое-какие продукты были отправлены туда заранее). Мне трудно сейчас вспомнить, где и как мы шли. Пробирались с какими-то незнакомыми

² ...Возвращайся. Я жду тебя, Если ты для меня... (нем.). – Здесь и далее – примечания автора.

людьми по бездорожью (центральная магистраль то и дело обстреливалась с самолетов). Шли пешком, так как ни электрички, ни трамваи уже не ходили. Потом, где-то в районе Сосновой Поляны, наши попутчики все враз куда-то исчезли (возможно, попрятались), мы с мамой оказались в одиночестве. По-видимому, угодили в зону интенсивного обстрела. Единственно, что хорошо запомнилось, – это почти непрерывный свист, шелест и вой над головой да длинное, бесконечно длинное картофельное поле с залитыми недавним дождем бороздами, по которым мы с мамой в страхе ползли вперед. Помню узкий, извилистый окоп, куда неожиданно поочередно свалились чуть ли не на голову пожилому сердитому бойцу в разорванной на спине гимнастерке, который, разглядев сквозь густой слой грязи наши вытянутые от страха физиономии, сдержанно выругался: «Идиотки!.. Дурь набитые, куда вас несет? Ведь немец – впереди...» Тут мы узнали, что со вчерашнего вечера дорога на Ленинград отрезана...

Ранним утром 18-го сентября, когда перестрелка немного затихла, мы с мамой прежним обходным путем вернулись обратно, в Стрельну, и здесь, на самом берегу Финского залива, в землянке, до отказа набитой не успевшими переправиться в Ленинград людьми – такими же, как мы, неудачниками, после ожесточенного ночного боя впервые увидели немцев. Как я уже сказала, это произошло 19-го сентября. Будь проклят тот день в моей жизни! Как он мне запом-

нился! Моросил дождь. Вся Стрельна была окутана едким, удушливым дымом. Горели дома. Языки пламени вырывались со зловещим гулом из окон, и было странно и жутко, что никто даже не пытался унять, остановить эту разрушительную силу огня. Кругом лежали трупы, много трупов в самых разнообразных позах с одним безмятежно-спокойным выражением на лицах. И немцы, и наши. Похоже, что смерть примирила их – будто съехались на какое-то сборище парни из двух стран, а теперь вот устали, мирно прилегли отдохнуть – просто каждый опустилсЯ на землю в том месте, где до этого находился.

Мы шли по Ленинградскому шоссе, теснясь к самому краю дороги, и ужас и незнакомая прежде острая, невыносимая боль леденили мое сердце. А они, крикливые, самоуверенные, самодовольные, либо ехали на мотоциклах, либо шагали, вальяжно, уверенно, заняв всю магистраль, – двигались бесконечной, воинственной ордой – чужие, наглые, страшные.

И потянулись серенькие, похожие один на другой, как две капли воды, дни жизни в оккупации. Первым долгом у нас очистили от всей живности хлев. Затем взломали погреб, увезли картофель и все находящиеся там овощи и припасы и, в конце концов, бесцеремонно выгнали из собственного дома. Теперь мы, три бездомные семьи, ютимся в летней, продаваемой всеми ветрами, ветхой дачной постройке.

Как прошла зима?

Если сказать коротко – все эти месяцы мы пребывали в состоянии голодного оупения. В нашей округе осталось совсем мало народу. Часть умерли от голода, часть – вывезли. Первыми увезли немцев (советских немцев-колонистов). Так исчезли из нашей жизни Маргарита с маленькой Гренатой. Куда – неизвестно. По слухам – в Германию. Затем увезли всех финнов. Не мы ли теперь на очереди? Ничего, ничего так не хочу, как только остаться здесь, возле Ленинграда!

Сейчас я смотрю в ту сторону, куда ушло, ускользнуло от меня мое светлое, беззаботное счастье. Двадцать пять километров разделяют нас. Двадцать пять километров. Это же совсем немного. Это двадцать минут езды на электричке, сорок минут – на трамвае, и каких-то пара часов ходьбы пешком. Но как далек, как бесконечно далек ты теперь от меня, мой родной город. И как недоступен сейчас для меня.

11 апреля

Пишу опять, так как больше заняться нечем.

На днях бандиты, именующие себя «цивилизованными освободителями», снова выкинули трюк, который едва ли пришел бы в головы даже первобытным дикарям. Они жестоко, зверски, хладнокровно убили моего одноклассника – Юру Паражинского – привязали его, убогого (Юрка от рождения был горбатым), обеими руками к вожжам и затем погнали лошадь вскачь. Юрка, спотыкаясь, мотаясь из стороны в сторону, вначале поспедал за лошадей, но потом не выдержал, упал и волочился, весь окровавленный, позади, по мерзлым буграм... Закончив экзекуцию, «цивилизованные» душегубы отвели разгоряченного коня в конюшню, а несчастного Юрку доби́ли выстрелом в упор из револьвера. Такую зверскую расправу нацистские выродки учинили только за то, что обезумевший от голода мальчишка решил украсть какую-то малость из немецкой кухни.

Боже мой! До каких же пор это будет продолжаться? Повесили Сарру Раеву, расстреляли Виктора Богданова, убили Сережку Ионина. И сколько еще впереди?

Вчера умер от голода брат папы – дядя Гриша. Похоронили его сразу за деревней. Кто теперь на очереди?

Всю эту долгую, суровую зиму каждый день был наполнен только одной заботой – как бы прокормиться, выжить?

Мы ходили на поля, вырывали из-под снега мороженые капустные листья, пытались искать в промерзлой, твердой, как гранит, земле случайно оставшийся картофель. Уже ближе к весне дядя Миша с дедом Иваном выкопали из земли шкуру убитого осенью коня, и в течение нескольких дней не только стены нашего жилища, но и все окрест «благоухало» тошнотворным запахом гниющей падали, из которой мама с тетей Катей варили «студень»... Чуть-чуть полегче стало, когда появились почки на деревьях, а с южной стороны дома, на солнечном припеке, полезла молодая трава. Мама уже несколько раз варила «зеленые щи», – если заболтать такую похлебку хотя бы щепоткой отрубей, да еще слегка и посолить – получается даже очень шикарное блюдо.

Всех, кто еще жив и мало-мальски передвигает ноги, гоняют на работу. Кто пилит деревья, кто мостит бревнами дороги (ведь немцам не жаль чужого леса!), кто строит бункера, а есть даже умельцы, что изготавливают впрок гробы.

Мы четверо – мама, Тася, Сима и я – определены в прачки (у меня еще есть дополнительная обязанность – ходить по утрам в комендатуру и переводить с немецкого на русский выдаваемые толпящимся возле крыльца рабочим наряды на день). И, помимо запаха гниющей падали, что прочно обосновался в старой кухне, выбивает слезы из глаз едкий запах щелока, который мы выпариваем из золы и в котором обильно замачивается грязное немецкое белье. Мои руки не боятся холода, и я обычно полощу отстиранное в проруби на ре-

ке. И вот, полоща и отжимая на ледяном ветру вещи чужих, непонятных людей, которых я ненавижу всеми силами своей души, я невольно размышляю о том, какую жалкую роль выпало мне играть в этой большой, всенародной войне.

Успокаивает только одно: я знаю, что это недолго продлится, что оккупационный кошмар скоро закончится и я еще буду полезной для своей Родины. Буду!

25 апреля

В моих записях – перерыв, но жизнь (если это можно назвать жизнью) протекает настолько монотонно и однообразно, что писать просто не о чем. Правда, за последние дни снова участились артобстрелы с нашей стороны, случается, что иногда бьют без перерыва минут по 20–30. Все наши домашние бегут при близких разрывах в примитивную землянку, что была вырыта нами в начале зимы под берегом реки. Я редко заползаю туда (в нее нужно именно «заползать», настолько вход низок) – слишком гнетет ощущение «земляного мешка». Кроме того, во мне живет почему-то твердая уверенность, что я не смогу быть убита своим снарядом, которого постоянно жду и которому искренне рада.

Что же касается нашего собственного бункера – просторного, с трехслойным бревенчатым накатом, что был сооружен возле дома еще в самом начале войны дедом Иваном и моим старшим братом Мишей – то тут все произошло как в известной детской сказке про Зайца и про Лису... Как-то во время сильного обстрела забежали к нам в бункер с дороги два фрица. Вежливыми, словно Лисы, были: «Разрешите переждать обстрел здесь». Переждали. Огляделись. А потом и выгнали всех нас, как Зайцев: мол, отныне это убежище для немецких солдат, а вы, русские свиньи, выметайтесь прочь

отсюда. Вег!.. Вег!³

Жаль, что сказка до сих пор остается незавершенной: не появился еще тут храбрый Петух с косой за плечами...

³ Прочь!.. Прочь!(нем.)

4 мая

Десять часов, как мы в пути. Куда нас везут – никто толком не знает. Если верить нашим угонщикам – тоже в Германию. Какими словами выразить мне мое горе, мое отчаяние, мое бессилие перед случившимся?!

За маленьким, пыльным, решетчатым оконцем, что находится почти под потолком теплушки, мелькают верхушки нежно-зеленеющих берез, голубеет весеннее небо. Монотонно стучат колеса, и с каждой минутой, с каждым оставленным позади километром я чувствую, как что-то отрывается от моего сердца.

Нас взяли сегодня, четвертого мая, перед самым восходом солнца. Ночь была тревожная, и мы все только что заснули тяжелым, беспокойным сном... Когда, очнувшись от громкого стука, я услышала их лающие голоса, а затем увидела сквозь занавеску стоявшую на дороге большую крытую машину – то сразу поняла, что это несчастье, огромное и ничем не поправимое... Они ввалились в дом, стуча коваными сапогами, распространяя вокруг запах сырости и псины. В первую очередь вытолкнули в свободный угол меня, затем, коротко посоветовавшись, махнули рукой и присоединили ко мне плачущую маму. На сборы дали двадцать минут.

И вот через полчаса промелькнула в последний раз перед глазами за поворотом дороги моя родная деревня. Я так и

запомнила ее – разбитую, полуразрушенную, с торчащими в ласковых розовых лучах восходящего солнца черными трубами... Не могу, не буду описывать мое плачевное состояние в это утро. В Гатчине нас с ходу погрузили в уже заполненный такими же, как мы, неудачниками товарный состав, и уже вскоре поезд тронулся.

Итак, мы едем уже десять часов. Стучат, погромыхивая на стыках рельсов, колеса, мелькают километровые столбы, все дальше и дальше отдалается от меня мое светлое, безмятежное счастье. Теперь оно еще недоступнее.

5 мая

Утром проснулась от холода. Одежда нет, а старое пальто плохо греет. Зоя уже сидит на своем мешке, тоже щелкает зубами. Пристроились с ней рядом, но теплее не стало. Лишь поднявшееся солнце немного обогрело вагон.

Неожиданно поезд тормозит ход. Встал. Сидим настороженные, прислушиваемся. Снаружи раздаются какие-то выкрики, смех, немецкие ругательства. Поднимаемся с Зоей к оконцу. Кругом – ровное, гладкое поле, поросшее кое-где мелким кустарником. Ничего не понимаем. Ждем. Ждем долго. Разговоры и брань снаружи постепенно приближаются. Наконец доходит очередь и до нашего вагона. Гремят засовы, запоры, и тяжелая, щербатая, в металлических заклепках дверь с треском отодвигается. Сразу ослепляет глаза теплое майское солнце, слегка кружится голова от хлынувшего потоком свежего воздуха. В дверном проеме возникают фигуры четырех солдат с автоматами в руках. Посмеиваясь и оживленно переговариваясь, пересчитывают находящихся в вагоне людей по головам, затем бесцеремонно пихают поочередно каждого к распахнутой двери, сталкивая прикладами с приступков замешкавшихся.

Понимаем теперь, что выгоняют на волю для совершения естественных потребностей. Об этом свидетельствуют также их ужимки, недвусмысленные гримасы и идиотское

похихикивание. Минут через пять с покрикиваниями «лось, лось!...» загоняют всех обратно. За это время вагон успевает проветриться, выкидываем наружу скопившийся мусор.

Я умылась в найденной канаве холодной, ржаво-зеленой водой, и головная боль, что мучила все эти часы, слегка затихла.

Мы доели остатки хлеба, привели себя мало-мальски в порядок и, приглядываясь исподволь друг к другу, завели неторопливые, скорбные разговоры. Пора и мне, моя тетрадь, поближе познакомить тебя со своими спутниками.

Зоя Евстигнеева – моя нынешняя подруга, с которой я близко сошлась лишь за время пути. Мы с нею ровесницы, но до войны почти не знали друг друга, так как учились в разных школах. В теплушке наши места рядом, и теперь мы часто болтаем с ней, вспоминаем прежнюю жизнь, школьных друзей и подруг, а еще шепотом строим иногда разные фантастические планы побега к своим – планы, которым, по-видимому, так и не суждено будет сбыться.

Матери у Зои нет, она умерла, когда Зоя училась в четвертом классе, а ее отец – дядя Толя – тоже здесь. Хмурый, молчаливый, он или спит, уткнувшись подбородком в воротник серо-бурого поношенного пальто, или сидит, покачиваясь в такт движению вагона и уставившись неподвижным взглядом куда-то в угол. Мне казалось, что, занятый своими невеселыми думами, дядя Толя не обращает никакого внимания на мои с Зоей перешептывания, но оказалось, что это не так.

«Перестаньте зря молоть языками, – угрюмо бросил он однажды в нашу сторону. – Убегут они!.. Жить вам надоело? Куда бежать-то? Враз прихлопнут из автоматов... Как мух...»

Вторая семья, вернее, тоже полусемья, которую я знаю, – Журавлевы: два брата Евгений и Саша, и их мать – тетя Таня.

Отцу Евгения и Саши, а также третьему их брату удалось спрятаться дома от угонщиков, и теперь бедная тетя Таня льет слезы вдвойне – и за тех, кто остался, и за этих, гонимых от родного порога неизвестно куда.

Оба брата – полная противоположность друг другу. Младший Саша – ему только исполнилось пятнадцать – с ясными голубыми глазами и курчавыми светлыми волосами – воплощение живости, расторопности и энергии. Ему трудно усидеть на месте, и он то торчит, поднявшись на цыпочки на приставленном к стене ящике и вытянув тонкую шею, возле оконца, подавая оттуда реплики обо всем увиденном, а то пытается слоняться по вагону, задевая ногами лежащих и сидящих на полу пассажиров, чем неизменно вызывает однозначные, недовольные возгласы.

А Евгений весь в мать – смугл, черноволос, кареглаз. Ему восемнадцать лет. До оккупации мы с ним тоже почти не были знакомы. По выражению моей мамы, Журавлевы – «пришлые». Они появились в нашей деревне полтора-два года назад, к тому же Женя, как и Зоя, учился в другой школе. Естественно, у него были свои друзья и товарищи, у меня – свои. Теперь, за время пути, мы с ним мало-помалу сдружи-

лись, и нередко он тоже принимает участие в наших воспоминаниях о довоенном времени.

Третья и последняя семья, которая мне хорошо знакома, а в общем-то, тоже какой-то осколок от семьи, – это моя двоюродная сестра Сима со своей десятилетней дочерью Ниной. Муж Симы работает старшим инженером на каком-то военном предприятии, он остался в Ленинграде, когда немцы перекрыли дорогу. Занятый заботами об эвакуации завода, работая круглыми сутками, он не сумел вовремя эвакуировать свою семью, и теперь Сима часто плачет, досадуя втайне на излишнюю преданность своего мужа заводским делам.

И наконец – моя мама. Война отняла у нее трех сыновей, трех моих братьев, и она последовала за мною, не захотев потерять меня – последнюю. Мне и жаль ее – ведь неизвестно, что придется пережить в чужой, страшной Германии, – и вместе с тем я так благодарна ей! Просто не могу даже представить себе, как в самые трудные дни своей жизни оказалась бы в одиночестве, среди незнакомых людей.

Остальных обитателей нашей теплушки я пока не знаю. Это в большинстве своем женщины с детьми – замкнутые, молчаливые, настороженные. Но я думаю, что, в конце концов, мы все сойдемся ближе за дорогу.

Итак, поезд летит все дальше и дальше. Я стою рядом с Сашкой у тусклого оконца и никак не могу отвести взгляд. Там, за дощатой, грязной стеной, за тяжелыми ржавыми запорами цветет и ликует настоящая весна. Вот проезжаем ми-

мо высокой, песчаной, сплошь поросшей светлыми, кудрявыми березами и молодыми разлапистыми елями горушки, что крутым откосом спускается к железнодорожной насыпи. На самой вершине ее, вся залитая теплым солнечным светом, замерла в неподвижности, подобно изящному изваянию, дикая коза. Беспокойно прислушиваясь, животное следит настороженным взглядом за ползущим внизу составом с будущими рабами. Но вот раздались пьяные крики солдат, хлопанье выстрелов, и видение вмиг исчезло, легкое, как дуновение ветерка...

7 мая

Пишу опять, так как это осталось единственным занятием, которое у меня пока не успели отнять. Первым долгом еще там, дома, я взяла с собой тебя, моя тетрадь. Жаль, очень жаль, что твою предшественницу – дневник школьных лет – дневник того уже далекого, счастливого времени, которое кажется сейчас просто сказочным сном, – жаль, что мне не удалось взять его с собой. Он так и остался во дворе, в нише возле хлева, куда я его запрятала со всеми своими немногочисленными документами, когда явились незваные оккупанты.

Еще что я успела прихватить из дома за отпущенные нам минуты – это пачку семейных фотографий да набор художественных открыток с видами Ленинграда и Петергофа.

Мы едем уже 48 часов. Впрочем, «едем» – сказано не совсем точно. Зачастую наш эшелон подолгу, иногда по два-три часа стоит на запасных путях возле каких-то полустанков, а мимо хлопотливо снуют паровозы, проносятся военные составы, заполненные солдатами, танками, орудиями, или движутся в обратном направлении – на Запад – платформы с побитой, обгорелой техникой. Иногда мелькают санитарные вагоны с большими белыми крестами на крышах и по наружной зеленой обшивке...

Ну вот. Не успела расписаться, как надо кончать. Кажет-

ся, поезд опять замедляет ход. Видимо, для нас, сидящих в теплушках затворников, наступает, как для домашних псов, пора очередного «выгула».

8 мая

Мы мчим все дальше и дальше. Погода резко испортилась, моросит дождь. По маленькому ущербному оконцу, обгоняя друг друга, скучно и лениво стекают мутные струйки. Холодно. Вчера Сашка нечаянно или нарочно выбил часть стекла в окне, в вагон врывается ветер с каплями дождя. Под низким блеклым небом уныло качаются однобокие сосны. Мимо проплывают крепко сколоченные хутора, на лугах – стада упитанных коров. Это уже Прибалтика.

По моему подсчету, сегодня – воскресенье, и, наверное, поэтому на полустанках царит некоторое оживление. Спешат куда-то женщины с котомками за плечами. Пробегает стайка мальчишек. Несколько мужчин в неуклюжих брезентовых накидках обстоятельно обсуждают какие-то свои проблемы. Все они с холодным любопытством разглядывают эшелон с живым товаром с Востока.

8 мая (вечер)

Очередной полустанок, и снова наш состав загнан на запасной путь. По-видимому, надолго. Мы с Зоей стоим возле окна, обзираем окрестности. Справа – небольшое здание вокзала с вывернутым наружу красно-серым кирпичным боком. За переплетением железнодорожных путей виднеется булыжная мостовая с парой конных подвод на обочине. Мимо нашей теплушки проходят, громко разговаривая на ходу, к головному вагону два солдата – наши провожатые. Неторопливо возвращаются. Остановились неподалеку, продолжают что-то горячо доказывать друг другу. К ним неуверенно приближается, прихрамывая, крестьянского вида низкорослый мужичишка в блестящей от дождя клеенчатой накидке и в таком же клеенчатом кепи на темноволосой с густой проседью голове. Заговорил с немцами, жестикулируя руками. Те оставили свой спор, внимательно слушают его и даже, похоже, торгуются. Мужик показывает солдатам грубую ладонь с четырьмя растопыренными пальцами, словно убеждает их: мол, соглашайтесь... Цена хорошая! Больше вам никто не предложит. А немцы уперлись, один из них выставил перед носом мужика целых две пятерни: мол, только так! Меньше не пойдет... Непонятный торг продолжается. Наконец, похоже, столковались. Мужик торопливо направляется к одной из подвод, порывшись в гряде сена, осторож-

но достает объемистую брезентовую сумку. Судя по тому, как он бережно несет ее, – внутри бьющаяся поклажа. Скорее всего, бутылки с самогоном.

Внезапно дверь нашей теплушки с грохотом отодвигается. В проеме возникают физиономии немцев и мужика в кепи.

– Тут разные собраны, выбирай любую, – говорит один из провожатых и громко ржет. – Хотя из этих, молодых, бери, – он кивает в нашу с Зоей сторону, – хошь другую какую.

Безразлично, мельком взглянув на нас, мужик озабоченно шарит взглядом по головам притихших женщин. С удивлением я замечаю, что у него разные глаза – один карий, другой голубой.

– Вот ту. – Мужик показывает пальцем на сидящую возле стены круглолицую, сероглазую, русоволосую Наталью. – Вот ту... Она, пожалуй, подойдет.

Наталье 36 лет. Ее послали на окопы под Лугу, и там она угодила к немцам. Она самая бойкая из нас. Вечерами, когда мрак окутывает теплушку и становится особенно тошно на душе, начинает рассказывать под монотонный перестук колес всякие истории, которых знает множество. А как-то даже завела песню...

– Матка, бери свои вещи и иди сюда, – строго говорит Наталья немец. – Тебе выпала судьба не ехать дальше, в Германию, а остаться здесь. Тебя берет к себе этот человек, он – эстонец. Быстро!..

«Судьба» в образе разноглазого мужика сбивчиво пояс-

няет ошеломленной Наталье на ломаном русском языке:

– Ты пойди в мой дом... Я иметь большой хозяйство – земля, лошадь, много корова... Моя хозяйка помереть зима. Сейчас много работа... Ты – крепкий баба: много работай – хорошо кушай. Будешь мой хозяйка...

Наталья с минуту молча смотрит на низкорослого эстонца, затем рывком поднимается со своего места, берется за узел.

– А и пойду! – с непонятым вызовом глухо говорит она. – И пойду. Какая разница, на кого горбатиться? А эстонцы все же ближе к нам, чем немцы.

Все обитатели вагона собрались возле распахнутых дверей, молча смотрят им вслед. Эстонец, подхватив из рук своей новой работницы узел, прихрамывая, суетливо семенит впереди. Рослая Наталья с гордо поднятой головой неторопливо шествует сзади. Уселись на подводу. Тронулись.

После ухода Натальи в вагоне долго не стихают пересуды: «Ну, Наталка! На этот раз учудила так учудила! Не зная броду – сунулась в воду... А этот-то, колченогий, даром что разноглазый, а разглядел самую красивую. Туда же – „мой хозяйка будешь...“ А впрочем, кто знает, как все обернется и что нам всем предстоит еще пережить».

Вот так. Значит, теперь можно любого из нас купить либо продать. Даже за бутылку самогона. А Наталья, что ж... Может, ей повезет больше, чем всем остальным. Эстония, конечно, ближе к нам. Ближе к России.

9 мая

Опять стоим в ожидании «зеленого света» на большой станции. Здесь уже все чужое – здания, вывески, лица. Напротив, через перрон, остановился воинский состав, следующий на Восток. Солдаты пялятся на нас, что-то кричат. Мы с Зоей отходим от окна, а Сашка продолжает оставаться на своем посту, информирует о происходящем на перроне и его окрестностях... Два полиция повели какого-то мужика в разорванном пиджаке. Руки у него за спиной связаны... Бабка в платке воду в ведрах несет. Поставила ведра на землю. Крестится вслед мужику... Солдаты выходят из вагонов. Форма на них не немецкая. Все чернявые, загорелые. Один язык зачем-то показывает... Эй, камерад (это уже в окно), дай хлеба! Броута дай мне. Хоть айнбисхен⁴. Хоть корочку...

Мама толкает меня в бок, протягивает пустую бутылку-поллитровку:

– Попытайся просунуть ее сквозь прутья, попроси кого-нибудь из солдат принести воды. Если это не немцы – возможно, не откажут. Колодец или колонка где-то рядом. Говорит же Сашка – бабка воду несет...

Нас всех сильно мучают голод и жажда. Но пожалуй, больше жажда. В Гатчине, перед отправкой эшелона в путь, к уже заполненному составу подъехала машина, груженная ящи-

⁴ Совсем немного(нем.).

ками с хлебом, и несколько солдат принялись раздавать буханки от вагона к вагону в голодные очереди. При этом предупреждали: выданного хлеба должно хватить на весь путь. Каждому досталось тогда по небольшой, тяжелой и вязкой, замешанной пополам с опилками, буханке.

Хлеба уже давно нет в помине – никогда не забуду, как одна молодая женщина съела сразу всю буханку и тут же умерла в страшных мучениях. Ее унесли на носилках – вытянувшуюся, странно притихшую после долгого неистового крика... Так вот. Хлеб-то нам тогда дали, а воды не приносили ни разу. Хорошо, если на полях, куда нас раз в сутки по-прежнему ненадолго выгоняют из вагонов, удастся найти какую-либо канаву или лужу с водой. Но иногда возвращаемся ни с чем и тогда ждем с пересохшими ртами до следующей остановки.

Потеснив Сашку, я снова поднялась к оконцу, не без труда просунула круглое донышко сквозь ржавую решетку. На перроне стояли солдаты в незнакомой, зелено-коричневой форме. Все, как один, черноволосые, смуглые. Определенно не немцы. Кто-то в вагоне произносит слово «мадьяры».

– Камераден... пожалуйста... – С трудом подбирая слова, я говорю на немецком. – Не можете ли вы принести немного воды. Здесь где-то поблизости должен быть колодец. Мы не пили уже несколько дней. Пожалуйста...

Солдаты, как по команде, повернули головы, смотрят на нас с Сашкой. Один из них подхватывает просунутую сквозь

пругья бутылку, спрашивает тоже на немецком:

– Ты кто – эстонка или латышка? Откуда вас гонят?

– Я – русская, из России... Пожалуйста, воды... Если вам нетрудно.

– Русская?! Из России? Так пусть тебя Сталин напоит. – В глазах солдата ярится злоба. Бутылка со звоном летит под перрон. – Вот своего Сталина и попроси, а не нас...

Мадьяры... Женя говорит, что так называют то ли венгров, то ли румын. За что они так ненавидят нас?

10 мая

Седьмой день пути, и, кажется, наше вынужденное путешествие подходит к концу. Около полудня ввалились в вагон двое немцев-проводящих, объявили, что скоро германская граница, после чего с безгловыми гримасами на физиономиях принялись трясти и перекидывать наше убогое имущество.

Значит, уже подъезжаем. Через какое-то время останется позади германская граница, и мы уже официально станем невольниками. Настоящими рабами. Мое сердце пронзила боль. Так и не смогли, не сумели сбежать. А может, все-таки попытаться? Вот сейчас, сразу... Пока эти типы тут копаются – прыгнуть четверым на перрон, а там – под вагон. И ходу, ходу... Город, где стоим, вроде не такой уж маленький, на первых порах можно запросто затеряться в нем. А потом – на Восток. К своим...

Я посмотрела на Зою. У нее глаза тоже были полны слез. Она поняла меня, едва заметно качнула головой. Нет, ничего не выйдет. Теперь уже ничего не получится. Посмотри, сколько кругом солдатни. Не успеешь сделать и шага, как они подстрелят тебя.

– Ну и куда же нас теперь определяют в этой вашей Германии? – громко, помогая себе жестами, спрашивает мама. – Что мы будем там делать?

– Кайне зорге⁵, matka. Сейчас война, работы на всех хватит. В первую очередь всех поместят в фильтрационный лагерь, там вытряхнут из вас вшей и прочую нечисть, а уж затем распределят по разным местам – кого на фабрики либо на заводы, кого в шахты, а кого в сельское хозяйство. – Немец с усмешкой смотрит на маму. – Ты, matka, безусловно, попадешь к какому-нибудь бауеру, будешь коров доить... Знаешь, где у коров сиськи находятся? – Проржав громко, как лошадь, немец переходит на серьезный лад: – Наша Германия – высокоцивилизованная страна, все вы должны быть довольными, что увидите ее. У нас везде и всюду орднунг – порядок. Но сейчас война, рабочих рук не хватает. Вот вы, «остарбайтеры», и замените тех, кто на фронте.

– Вас ист дас? Что это такое? – Второй немец держит в руках мой дневник, неприязненно разглядывает его. – Чье это?

– Это моя тетрадь, – с неприятным холодком в сердце говорю я, подходя к солдату. – Я... переписываю здесь песни. Люблю петь – герне зинге. Пожалуйста, отдайте мне.

– Любишь петь? – Солдат насмешливо смотрит на меня. От него резко несет самогоном. – Смотрите-ка, она любит петь и, вероятно, надеется заниматься этим в Германии. Нет, милая, забудь про свои увлечения, тебе будет некогда заниматься там песнями. Ты будешь работать. Поняла? Только работать! А это, – солдат брезгливо протягивает мне тетрадь,

⁵ Не беспокойся(нем.).

— это ты сейчас же уничтожь. Разорви и выброси.

— Яволь! Так точно! — с дрожью в голосе послушно отвечаю я хмельному немцу, сжимая в руках помятую тетрадь.

— Я непременно разорву ее и выброшу. Сейчас же. И никогда не буду больше петь, тем более в вашей распрекрасной Германии. А буду работать, работать и работать. Только работать.

В какой-то мере я последовала приказу немца-проводящего. Однако не уничтожила свою тетрадь, а просто далеко запрятала ее. До лучших времен, если таковые, конечно, настанут.

1 августа

Суббота

Итак, я в Германии. Германия, Германия! Что я знала о тебе в школе и какая ты на самом деле! Швабия и Пруссия, Рурский бассейн и Саксония, Бавария и Тюрингия – безобидные школьные, заученные слова, ничего не дающие ни уму, ни сердцу. А вот ты настоящая – кичливая и надутая, холодная и настороженная, чужая и ненавистная.

Уже скоро три месяца, как оккупанты выгнали меня из родного дома. Три месяца, а как будто прошла целая вечность. Я могу пересчитать, восстановить в событиях каждый отдельный день, и в то же время все эти дни сливаются в моем сознании в один нудный, кошмарный сон – сон, который приснился когда-то очень давно и который хотелось бы забыть как можно скорее, вычеркнуть напрочь из памяти.

Но разве можно, в самом деле, забыть то черное для меня утро – четвертого мая, или тот голодный, вшивый эшелон, или те страшные, томительно-долгие дни в лагерях, или, наконец, ту издевательскую «биржу труда», от порога которой и началась, уже официально, наша рабская жизнь в Германии?

Лихая судьба в образе набитого российскими изгнанниками товарного состава забросила нас в так называемую Вест-Пруссен – в Западную Пруссию. Нашим пристанищем ока-

залось поместье Маргаретенхоф, что расположено на расстоянии полутора километров от деревни Грозз-Кребс. Ближайшим городом в этой округе является город Мариенвердер, который находится примерно в двенадцати километрах от Грозз-Кребса.

В поместье нас, русских, – девять человек. Девять совершенно разных людей, с разными характерами, разными вкусами, с разными привычками, но объединенных чем-то таким общим и близким, что это роднит нас всех и помогает жить одной большой, относительно дружной семьей. Я немножко познакомлю тебя, моя тетрадь, с каждым из нас, но прежде хочу рассказать о том, что предшествовало нашему прибытию в Маргаретенхоф.

После двух недель голодного существования в лагере, где-то в предместьях Данцига, в один ветреный, холодный вечер большую группу людей – примерно человек сто – вывели под конвоем из-за ограды лагеря, под конвоем же провели на станцию, погрузили в товарные вагоны, где не было ни окон, ни единой светлой щели, и в совершенной темноте повезли в неизвестном направлении. Ночью поезд остановился, нас всех опять повыгоняли из вагонов и тем же порядком повели по тихим, безлюдным улицам какого-то городка. Это и был город Мариенвердер.

Остаток ночи мы провели в холодных, сырых бараках. Мы сидели на полу, на грязной, вонючей соломе, и, конечно, никому из нас было не до сна. А утром загремели засовы, рас-

пахнулась дверь, и два охранника по очереди стали выталкивать нас по крутым ступеням на улицу. Потом, собрав всех вместе, погнали, как стадо баранов, по узкой улочке на маленькую площадь, вокруг которой стояли подводы и нетерпеливо прохаживались взад и вперед какие-то «господа». Площадь эта и здание перед ней и оказались пресловутой «биржей труда», а ожидающие люди (мне тошно называть их «людьми»!) – и были теперешними нашими хозяевами.

И началась церемония купли-продажи «живого товара» с Востока. Я не могу без отвращения и без чувства гадливости вспоминать все то, что происходило там, на той площади, в тот день.

Они набросились на нас, как стервятники, выхватывали из толпы, щупали, мяли, открывали рты, считали зубы. Да, да, в просвещенной, цивилизованной Германии они считали у нас зубы, как на ярмарке лошадей!

Вот один из «хозяев», длинный и сухопарый немец, потянул меня за рукав из толпы невольников и, оглядев со всех сторон, подтолкнул к группе уже отобранных «восточников». Сквозь общий многоголосый плач я слышала крик моей мамы. Этот крик, резанув прямо по сердцу, вывел наконец меня из состояния какого-то тупого, безразличного оцепенения, в котором находилась еще со дней пребывания в лагере. Задыхаясь от ужаса, от страха потерять маму, я ринулась к столу, который вынесли прямо на площадь и за которым безразличные чиновники уже оформляли первые «куп-

чие». С дрожью в голосе, с трудом отбирая в памяти нужные слова, я по-немецки говорила им о том, что они не имеют права издеваться над нами только за то, что мы – русские, что это бесчеловечно, это жестоко разлучать вот так близких людей.

Чиновники молча, с усмешкой смотрели мне в рот, а среди «хозяев» вдруг произошло какое-то движение. Человек пять их направились ко мне, а один, круглый и пузатый, опередив всех, проворно схватил за руку. И мне стало понятно, что не мои возвышенные слова произвели на них какое-то доброе действие, а просто мое умение немножко владеть их языком привлекло ко мне их чисто делаческое внимание.

Тот первый, долговязый, вяло заспорил со вторым, но последний, вытащив в круг и мою маму, объявил, что берет и ее в придачу.

Мне они оба были противны, но, чувствуя свое, пусть совсем маленькое в тот миг превосходство, я решительно показала на Симу с Ниной, которые, бледные и напуганные, стояли в стороне (и которых ведь тоже могли разлучить), и сказала, что это мои сестра и племянница и что без них я никуда не пойду. Понимаю сейчас, что это было рискованно: ставить свои условия. Но все обошлось. Только тот первый, длинный, пренебрежительно махнул рукой и отошел, а второй, с кислой миной повернув Нину раза два кругом и, по-видимому, решив, что и она может на что-нибудь сгодиться, поманил нас, четверых, за собой пальцем и подвел к подводе,

около которой уныло стояли в ожидании дальнейших событий уже ранее отобранные четыре человека русских... Значит, сделка совершилась и этот круглый, толстый, с затылком, как у борова, человек – отныне наш хозяин. Как странно это слово! Даже сейчас, после двух месяцев, я не могу привыкнуть к нему и не привыкну, видно, никогда.

...У подводы мы стояли понуро и молча, исподлобья оглядывая друг друга. Кроме нас четверых, здесь были: один средних лет мужчина, пожилая, но на вид крепкая женщина, рослая девушка и мальчик, чуть постарше Нины. Женщина и девушка плакали, мальчик угрюмо смотрел себе под ноги: их только что разлучили со старшей дочерью и сестрой.

Наконец все формальности улажены, мы усаживаемся на телегу и по узеньким, чистеньким, аккуратно-игрушечным улицам выезжаем за город. Оглянувшись на нас, прокатил мимо на мотоцикле наш теперешний хозяин. Сытые лошади мирно цокают подковами. Широкая асфальтовая дорога, вся обсаженная высокими тенистыми деревьями, петляет между ровными, всюду разделанными полосками земли. Здесь уже настоящее лето, и солнце, пробиваясь сквозь зелень, греет чувствительно жарко. И воздух, и солнце, и трава – почти все как в России, но только в сердце у меня такая дикая, такая черная тоска, что я, не выдержав, припадаю лицом к мешкам и, вдыхая их кисло-грязный запах, плачу горько и безнадежно.

Поднимаю голову оттого, что кто-то тихо и осторожно те-

ребит меня за плечо. Что такое?! Пожилой, красноносый немец-возница, виновато улыбаясь, говорит на ломаном русском языке, что нам здесь, у этого хозяина, будет не так уж и плохо, что он, конечно, понимает и сочувствует нам в нашем несчастье, но, к сожалению, ничего не поделаешь – война, а еще – что он знает Россию и что даже жил там, только очень давно – тридцать лет назад.

Потом немец достает откуда-то из-под сиденья бумажный сверток, разворачивает его и подает всем по небольшому куску мягкого, душистого хлеба, тонко, по-немецки, намазанного каким-то жиром.

«Это жена приготовила, ешьте, – тихо говорит он. – Мы ведь тоже простые люди, и мы-то знаем, что вы голодны».

Нас не нужно приглашать второй раз. Пахучий полузабытый запах настоящего хлеба действительно напомнил всем, до какой же степени мы голодны! Но у меня кусок застревает в гортани от изумления и от досады: как, неужели и среди них, немцев, есть нормальные люди?

Потом немец, его зовут Гельб, сообщает, что он работает у фермера на скотном дворе дояром, что живет с женою, дочерью и сыном в маленьком, принадлежащем хозяину домике и что старший сын у него на фронте, в России. Затем рассказывает о самом фермере, что у того тоже сын воюет сейчас в России, что есть дочь и жена – полукалека, которую в начале войны разбил паралич. Напоследок добавляет, что там, в поместье, уже живет одна «молодая русская», которую

привезли с биржи недели две назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.